

СТАЛИНГРАД

СТАЛИНГРАДСКАЯ МЯСОРУБКА

«ПОГИБАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ!»

**Владимир
ПЕРШАНИН**

Владимир Першанин

**Сталинградская мясорубка.
«Погибаю, но не сдаюсь!»**

«Яуза»

2012

Першанин В. Н.

Сталинградская мясорубка. «Погибаю, но не сдаюсь!» /
В. Н. Першанин — «Яуза», 2012

ISBN 978-5-699-60390-9

«Ни шагу назад!» – этот беспощадный приказ стал лейтмотивом Сталинградской битвы. «За Волгой для нас земли нет!» – с этой клятвой Красная Армия выстояла под ударами Вермахта, переломив ход Великой Отечественной войны. «Погибаю, но не сдаюсь!» – писали бойцы на стенах разрушенных выгоревших домов, превращенных в неприступные крепости. Пехотинцы и десантники, саперы и зенитчики, бронбойщики, ценой собственной жизни выбивавшие немецкие танки, и танкисты, много раз горевшие в подбитых «тридцатьчетверках», – в этой книге собраны воспоминания фронтовиков, выживших в СТАЛИНГРАДСКОЙ МЯСОРУБКЕ, чтобы рассказать «окопную правду» о решающем сражении Второй Мировой.

ISBN 978-5-699-60390-9

© Першанин В. Н., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

От автора	5
Командир танкового взвода	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Першанин

Сталинградская мясорубка.

«Погибаю, но не сдаюсь!»»

От автора

Я живу в Волгограде с 1957 года, приехал сюда еще мальчишкой, когда отца-офицера перевели к очередному месту службы.

Это далеко не первая моя книга о Великой Отечественной войне. Но составить сборник о защитниках Сталинграда оказалось нелегким делом. Слишком жестокие бои шли здесь, и после Сталинграда война длилась еще два года. С помощью заместителя председателя Совета ветеранов войны Красноармейского района Волгограда Тамары Петровны Васильевой я встретился с участниками боев за Сталинград, которых сумели разыскать. Очень мало их осталось.

Большое спасибо полковнику в отставке Турову Владимиру Семеновичу, который возглавляет городскую общественную организацию «Клуб защитников Сталинграда». Туров В.С. прошел Отечественную войну с 1941 по 1945 год.

Так родилась эта документальная книга о пехотинцах, танкистах, саперах, медсестрах, воевавших под Сталинградом. Низкий им всем поклон.

Командир танкового взвода

Я видел снаряд, который поджег наш танк. Раскаленная болванка пробила башню, кувыркнулась перед глазами и, отприкошетив от брони, свалилась на поддон. Задымилась и вспыхнула солярка. Я тщетно бился о верхний, заклинивший от удара люк...

Журавлев А. Ф.

Журавлев Александр Федорович, несмотря на преклонные годы, не потерял былой живости и чувства юмора, хотя говорили мы с ним о вещах серьезных, трагических. Он один из немногих танкистов, встретивших немцев в июле сорок второго на подступах к Сталинграду. Там, где бригады и роты дрались до последней машины.

Вот его рассказ о тех днях и жизненном пути.

Я родился 9 декабря 1918 года в городе Харбин, в Китае. Мой отец, Федор Николаевич, работал на знаменитой КВЖД (Китайско-Восточной железной дороге), которая после революции отошла к Китаю.

Так наша семья оказалась на чужой стороне. В 1927 году отец добился выдачи визы на возвращение в Россию. Если бы знал, что нас там ждет, наверное, ни за что из Китая не уехали.

Детей в семье было двое, старший сын Женя, 1916 года, и я. Приехали мы в город Горький (ныне Нижний Новгород), где проживала родня. Отец устроился на железную дорогу помощником машиниста. Жизнь понемногу налаживалась, получили вскоре комнату в коммунальной квартире. Женя после школы устроился на станкостроительный завод. Я, закончив десятилетку, поступил в 1934 году в Горьковский институт инженеров водного транспорта. Но в октябре 1937 года все неожиданно перевернулось. Начались политические процессы над врагами народа. Копнули Дальний Восток. Расстреляли Блюхера, Уборевича, Якира и еще кого-то из дальневосточных военачальников. Под эту железную метлу попал и мой отец.

Представить не могу, к каким шпионским делам мог иметь отношение простой помощник машиниста. Отца арестовали и дали 10 лет без права переписки. Расстрел! В чем его обвиняли, не знаем. Наверное, в связи с японской разведкой или дружбе с опальными генералами. Забегая вперед, скажу, в 1957 году получили мы четвертушку бумаги, с подписями и печатями.

Ничего не объясняя, без малейшей доли вины (бумаги не хватило!), нам сообщили, что приговор 1937 года отменен, а гражданин Журавлев Федор Николаевич посмертно реабилитирован. Ну, спасибо властям и за это! А за что отец погиб и что мы все пережили – никого не интересовало.

После ареста отца нас в один день выкинули из квартиры. Теперь мы считались членами семьи врага народа (ЧСВН). Помню, погрузили на санки сундучок с барахлом и посудой, кое-что в руках несли. Куда деваться? Кто-то из знакомых, работавших на кладбище, предоставил нам сарай. Земляной пол, холодина, лопаты, веревки – хоть сам вешайся. Прожили в кладбищенском сарае четыре дня, потом пришли немного в себя, стали устраиваться. Мы с братом какое-то время в общежитиях ночевали, стараясь коменданту на глаза не попасться, а маму приютила родственница.

В институте ко мне отношение резко изменилось. Даже дружок мой, Гоша Антипов, стал сторониться: «Слушай, иди от меня!» Боялся, что обвинят в дружбе с ЧСВН. Хотя учился я неплохо, но экзамены на зимней сессии по два раза сдавал, чего со мной раньше не случалось.

Преподаватель Шапиро поставил мне «отлично» на экзамене по технологии металла. Его потом задержали: «Сыну врага народа помогаешь! Хочешь, чтобы он стипендию от государства получал? Пусть работает». Я и так работал. Разгружал дрова на баржах. Кто с этим делом знаком, знает, как из трюма тяжеленные, мокрые (или обледеневшие) бревна по трапу на берег таскать. Работал вечером и ночью. Когда домой шел, ноги подгибались. А куда деваться? Есть-то надо и за квартиру платить.

Спустя какое-то время я из института ушел. Угнетала обстановка и больно задевало отношение прежних товарищей. Ближе к сороковому году восстановился. Тогда эта свистопляска с врагами народа поутихла, и меня снова приняли в институт.

Война для многих стала неожиданностью. Открытых разговоров не велось, но немало людей в институтской среде внимательно следили за обстановкой на западных границах. Они скептически воспринимали договор о ненападении. Гитлер оккупировал почти всю Европу. Около двух лет, хотя об этом мало писали, Великобритания вела с нацистами войну.

Огромная немецкая армия, сосредоточенная у границ СССР, не могла ввести думающих людей в заблуждение. Но все делали вид, что ничего особенного не происходит. Считаю, что обстановка ненужной скрытности, вынужденное молчание военных специалистов сыграли в 1941 году свою роковую роль. Беженцы из Западной Украины, Белоруссии прямо говорили: «Чего вы ждете? Гитлер вот-вот развяжет с вами войну».

Поэтому речь Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз для меня не была такой уж неожиданностью. Я хотел и готов был воевать, чтобы оправдать честное имя отца и доказать, что не хуже других буду защищать Родину.

В июле 1941 года весь наш четвертый курс подал заявление с просьбой направить добровольцами на фронт. Я попал в группу, которую зачислили на Ленинградские бронетанковые курсы усовершенствования командного состава. К командному составу я не относился, но в институте занимался на военной кафедре и кое-какие первичные познания имел. Наверху решили, что как будущие инженеры мы успешно овладеем бронетехникой и станем командирами танковых взводов, которых на фронте не хватало.

Красивый город – Ленинград. Город-памятник. И учебная база на курсах была солидная. Я гордился, что учусь здесь. Но положение на фронтах быстро менялось не в нашу пользу. В начале сентября немцы овладели подступами к городу, нависла опасность блокады. Наши курсы были срочно эвакуированы на Урал, в Магнитогорск.

Здесь я учился до апреля 1942 года. За неполные 7 месяцев неплохо постиг теорию. Преподаватели были сильные. Мы изучили танки Т-26, БТ-7, «тридцатьчетверки», бронемшины. В начале сорок второго года пришли английские танки «Матильда» и «Валентайн».

На импортных машинах я не воевал. Но и отзываться о них пренебрежительно не буду, как это считалось модно во многих книгах. У английских танков была сильная броня, гидравлический поворот башни, неплохие прицелы. Скорость уступала нашим машинам и составляла километров тридцать в час. «Тридцатьчетверка» их, конечно, превосходила.

Курс нашей учебы состоял в основном из теоретических занятий. Вождение машин было ограничено, а боевые стрельбы из орудий не проводились ни разу. Нам объясняли так: «Снарядов нет. Все идет на фронт». Правда, технику прицеливания, заряжания в нас вдолбили неплохо.

В окрестностях Магнитогорска с нами проводили тактические занятия на горах Медная и Благодать. Учились «пешим по-танковому», то есть бегущий экипаж считался вроде как наступающим танком. Много ли было толку от такой беготни, судить не берусь. Но требования командиров выполняли добросовестно, делая «маневры», нанося удары в лоб и с флангов. С азартом учились.

Может, кому-то покажется смешно, но имелась у нас скамейка-тренажер. Садишься на нее верхом, позади – коробка передач. И вот мы до автоматизма изучали переключение скоро-

стей, повороты, ускорение хода, резкие остановки. Считаю, что это в какой-то степени компенсировало практическое вождение. Позже, на боевых машинах, мы довольно быстро освоили вождение. Хотя командиры танков и взводов редко садятся за рычаги. Для этого есть механики-водители.

В конце апреля я окончил курсы и в звании младшего лейтенанта выехал с группой командиров в город Горький получать танки. Там мы застряли. «Тридцатьчетверки», предназначенные для нас, были собраны, но не хватало 76-миллиметровых орудий и прицелов.

В Горьком эти орудия не выпускали, зато изготавливались 45-миллиметровые противотанковые пушки. За план спрашивали из Москвы строго, и на некоторые «тридцатьчетверки» поставили пушки калибра 45 миллиметров. Конечно, менее мощные, чем положенные «трехдюймовки». Кроме того, к ним не было прицелов. Многие ребята от таких танков отказывались, хотя нас убеждали, что пушки хорошие, а прицелы мы получим «на месте». На каком месте – неясно. Шел июнь сорок второго, на фронтах творилось черт знает что.

Во второй половине мая закончилась трагическая для Красной Армии попытка наступления на Харьков. Маршал Тимошенко и Хрущев переоценили свои силы, наделали ошибок, и мы потеряли в окружении 200 тысяч солдат и командиров. А может, и больше. Кто их там считал, погибших в степи и попавших в плен.

Немцы наступали. Отсиживаться и ждать прицелы или танки с 76-миллиметровыми пушками было некогда. Кроме того, на мне висело клеймо члена семьи врага народа. Удивляюсь, как на Ленинградские курсы попал! Посижу подольше – обвинят в трусости. В общем, получили мы 15 танков, часть с «сорокапятками», часть – с положенными по штату «трехдюймовками».

Эти дни в Горьком позволили провести мне какое-то время дома, с братом и мамой. Редкое везение, что танки получал в своем родном городе и повидел семью. Когда провожали до эшелона, брат Женя отозвал меня в сторону и прошептал на ухо:

– Шура, только не попадай в плен. Маму и меня тогда точно угробят. Сам знаешь, как к нам относятся. Члены семьи врага народа.

Позже, на фронте, я носил в брючном кармане-пистончике один патрон для нагана. В плен сдаваться был не намерен.

Погрузились в эшелон. Обнялись и поцеловались на прощание с мамой. Слезы, причитания. Сколько уже похоронок на друзей и соседей пришло! Береги себя, Шура! Конечно, мама! Через полчаса остался позади Горький. Ехали на юго-восток.

Чтобы понять, какая обстановка складывалась на подступах к Дону (а значит, к Сталинграду), нам приказали снять с танков брезенты, и гнали мы до станции Морозовская Ростовской области открыто, на платформах. Как нам объяснили, этот рискованный шаг предприняли, чтобы показать: на помощь нашим войскам перебрасываются танки.

И еще такой эпизод. По дороге в Морозовскую я ночью дежурил по эшелону, обходил платформы и вагоны. Танков как было 15, так и осталось, зато везли много лошадей. В танковой бригаде по штату должно быть минимум с полсотни танков, а здесь – сплошные лошади. Какой-то офицер мне объяснил, что нет времени ждать получения дополнительных танков. Вместо них выделяют противотанковые орудия. А пока вот дали лошадей.

Возле станции Морозовская формировалась 40-я танковая бригада, куда я был зачислен командиром танкового взвода. Танковая бригада – подразделение серьезное. Кроме трех танковых батальонов имелись артиллерия, минометы, пехотный батальон, даже зенитное прикрытие. Какие подразделения были в нашей бригаде – не знаю, потому, что все 15 танков сразу разделили на взводы и группы и направили на передовую.

Хоть батальоном, хоть ротой эти 15 машин назови, а надо преграждать немцам путь к Сталинграду. Действовали мы на левом берегу Дона, между городком Сурувикино и станцией Клетской, где снимался известный фильм Бондарчука «Они сражались за Родину».

Пятнадцатого-шестнадцатого июля недалеко от хутора Добринка мой взвод попал под бомбежку. Немецких самолетов было три или четыре. Сбросили несколько тяжелых стокилограммовок и сколько-то бомб помельче. Тяжелые фугасы подняли вверх огромные столбы земли. Мы почувствовали, как вздрагивает земля. Потом на месте взрывов долго клубилось облако пыли и дыма. Мелкие бомбы взрывались то ближе, то дальше, но прямых попаданий не было.

Боялся ли я? Конечно. К бомбежкам, по-моему, вообще невозможно привыкнуть. Двигаешься мимо пятиметровой воронки, земля в степи прокаленная, твердая, как камень, а фугас такую яму вырыл! От танка одни бы железяки остались, а про нас и говорить нечего.

Семнадцатого июля образовался Сталинградский фронт, и в этот же день мы приняли свой первый бой. Получилось неожиданно. Двигались по низине и вдруг увидели три немецких бронетранспортера. Длинный капот, десантный отсек, колеса и позади гусеницы. Мы ударили бронейными снарядами, попали или нет – непонятно, а бронетранспортеры, стреляя из пулеметов, попытались круто развернуться. Вступить с нами в бой означало для них верную смерть.

– Гони! – крикнул я механику-водителю Мельникову.

Налетели разом. У «тридцатьчетверки» масса под тридцать тонн, а у бронетранспортеров всего шесть или восемь. Удар, под гусеницами заскрежетало железо. Тонкий десантный кузов и капот сразу подмялись. «Тридцатьчетверка», разрывая гусеницами и плюща немецкую машину вместе с экипажем, перевалила через обломки и крутанулась, вмяная их в землю.

Не знаю, кричал кто или сразу накрылись экипажи. Я высунулся из люка, остановились два других танка. Подошли к размолотым бронетранспортерам. Большинство из нас первый раз врага убивали. У меня в экипаже, кроме пушки и пулемета, ни у кого не было пистолетов или наганов.

Глядели мы на сплюснутые железом лохмотья, кровь. Может, и трофеи какие достались бы. Пистолеты или автоматы. Но никто не полез шарить, что-то искать. Не так легко убивать людей, пусть даже фашистов! Я приказал заводить машины и двигаться дальше.

Немцы в тот день не попадались. К вечеру вернулись в Добринку. Весь следующий день ремонтировали, приводили в порядок танки. Ударили мы по немецким бронетранспортерам крепко, были частично повреждены гусеницы, ослабили крепления. К сожалению, я почти не запомнил фамилий ребят из взвода, даже командиров машин. Не так и долго участвовал в боях.

Экипаж моего танка был, как говорится, интернациональным. Механик-водитель Мельников – украинец. Было ему лет двадцать пять, машину он водил хорошо, разбирался в технике. Заряжающий, или башнер, – азербайджанец, стрелок-радист – кавказец, мингрел. Экипаж сработался быстро, ребята веселые, и вспоминаю их добрым словом.

В Добринке уже находились кое-какие части. Пришло еще несколько танков и хозяйственники из нашей бригады. Старшина накормил нас кашей с мясом, хлебом, селедкой, хотя мы не голодали. Скот эвакуировали, и директор совхоза «Первомайский» еще с вечера подарил нам бычка.

Вообще, казаки в местных хуторах встречали хорошо. В то же время упрекали, особенно старики, как мы допустили немцев так глубоко в Россию. Что мы могли ответить? Да они и не ждали ответа, все сами понимали. Видели наши танки с вмятинами от осколков, погнутыми подкрылками. Значит, воевали мужики.

Продолжали налетать «Мессершмитты» и «Юнкерсы». Небольшими группами, по 2–3 самолета. Сбрасывали несколько бомб, обстреливали нас из пушек и пулеметов. Появились раненые и убитые. В нашем взводе потерь пока не было.

Мы в основном были молодые, верили в победу, но скажу, что настроение у многих было подавленное. Немецкая авиация висела над головой, и ни одного нашего самолета! Но ведь сейчас не сорок первый год, фрицам дали хорошего пинка под Москвой, а мы снова отступаем. Километров сорок осталось до Дона и сотня с небольшим до Сталинграда.

Подвезли снаряды, горючее. Погрузка и продолжавшийся ремонт отвлекали от дурных мыслей.

Девятнадцатого июля нас подняли рано и сообщили, что немцы прорвались к Верхней Бузиновке. К месту прорыва срочно бросили все танки, которые могли собрать. Нам также выделили десантников из Орджоникидзевского военного училища.

Шли на скорости по пыльным степным дорогам с заряженными танковыми орудиями. У нас было задание ударить во фланг. Обойдя небольшой холм, мы увидели 5–6 короткоствольных немецких танков Т-3. К тому времени фрицы уже усовершенствовали часть этих «панцеров», усилили броню.

Нас было 8–9 танков, половина из них с 45-миллиметровками без прицелов. Используя численное преимущество, мы сразу пошли в атаку. Мой заряжающий едва успевал вбрасывать в казенник бронебойные снаряды. Большинство из нас не обладало опытом встречного танкового боя. И про стрельбу с коротких остановок забывали. Но решительности и злости хватало. Это вам, сволочи, не бомбежка с высоты, когда нам оставалось только прятаться!

Десант наш спрыгнул при первых же выстрелах. Я вел огонь через панораму ПТК-1. Танк, в который я целился, оставался невредимым. Тогда я приказал остановиться. Расстояние было небольшое, и после трех снарядов подряд немец задымил. Впрочем, не буду приписывать этого «панцера» своему экипажу. Вели беглый огонь все остальные машины.

Этот близкий ожесточенный бой закончился в нашу пользу. Дымили три немецких танка, остальные отступали. Чей-то снаряд (не иначе трехдюймовый) ударил в одну из немецких машин с такой силой, что, кувыркаясь, полетел прочь оторванный боковой люк. Машина крунулась и, получив еще один снаряд, загорелась.

Немецкая пехота, двигающаяся следом, отступала. Мы увидели группу прямо перед собой и выпустили подряд несколько осколочных снарядов. Один раз приложились хорошо, свалились сразу два или три фрица. Но снаряды у нас кончались, и преследовать пехоту мы не рискнули.

Четыре немецких танка не то чтобы горели, а тлели, словно резина. Не знаю почему, но снаряды в них не сдетонировали. Не обращая внимания на дым, я полез в один из танков искать прицел. Прицел я нашел, даже сумел быстро его снять, но, как позже выяснилось, для наших орудий он не годился.

Вокруг машин лежали тела немецких танкистов в темных комбинезонах и небольших металлических шлемах. Почти никто из экипажа уйти не успел. Часть осталась в дымящихся танках, остальных славяне перебили из пулеметов. Бой шел на небольшой дистанции, и спастись на открытом поле было трудно. Кроме танкистов, насчитали десятка три убитых пехотинцев.

Я подошел к одному из них. Молодой парень, лет 18–20, такой же, как и мы. Осмотрели немецкие танки. С удовлетворением убедились, что не только «трехдюймовки», но и наши «сорокапятки» пробивали их броню. Впрочем, толщина ее оказалась небольшая, 20–30 миллиметров. Измолотили мы фрицев хорошо, на каждом танке по несколько пробоин.

Наши «тридцатьчетверки» оказались прочнее. Две машины были подбиты, но не сгорели. Их спешно ремонтировали. Погибли от осколков два танкиста. Броня Т-34 была хрупкая, и при сильном ударе разлетались мелкие осколки. Несколько человек получили ранения и контузии.

Мы чувствовали себя победителями. Вернулись на пункт сбора в Верхнюю Бузиновку, а большинство домов там догорают. Помню, уцелела каменная школа, в которой разместился медсанбат. Сюда стягивались части 166-й танковой бригады, подошла артиллерия, пехота, в том числе батальон курсантов из Орджоникидзе. Многие, как и мы, недавно из боя. Оживленно рассказывали эпизоды, показывали друг другу трофейное оружие. Легкораненые после перевязки оставались в строю.

Некоторые не верили, что наша неполная рота сожгла четыре немецких танка. Это подтверждали десантники и другие бойцы, видевшие бой. К нам подошел один из командиров с адъютантом.

- Вы из какой бригады? – спросил он.
- Из сороковой.
- Действительно, четыре танка уничтожили?
- Точно, – заверили мы.
- Ну, молодцы, ребята. Значит, можно фрицев бить?
- Еще как можно!
- Приведите себя в порядок, заправляйте машины. Обед повара уже сварили.

Я не хочу хвалиться теми небольшими удачами, которые достигали наши части. Все же немцы наступали по всему фронту и далеко не везде получали такой отпор. Слишком неравные были силы. Но скажу одно: наши бригады, полки, даже отдельные роты в боях за Доном, на дальних подступах к Сталинграду, не дали Паулюсу победным маршем войти в Сталинград.

Теряя где четыре, а где и десяток танков, истощая в атаках моторизованные части и пехоту, наступление в Придонских степях замедлилось. Здесь я впервые услышал слова «слоеный пирог». На одних участках фрицы прорывались вперед, а позади упорно держали высоты или отдельные хутора наши войска.

Подходило подкрепление, не прекращались бои, и далеко не всегда верх удавалось держать немецким частям. Они выйдут к Волге 23 августа, то есть немцам придется еще месяц драться с нами, чтобы пройти 100 километров, а потом навсегда завязнуть в Сталинграде.

Такая была обстановка. Я терпеть не мог хвастливых статей в наших газетах, где говорилось, что немцев уничтожали легко и без счета. Но могу сказать как очевидец, участник боев на подступах к Сталинграду, что в степи за Доном мы снова сумели застопорить ход фашистской машины. К Волге армия Паулюса выйдет, неся ощутимые потери.

Если дела идут более-менее успешно, то всегда найдется командир. Наших восемь-девять танков единого командира не имели. В спешке не успели назначить. Но мы, три младших лейтенанта, друг с другом ладили и в начальство не рвались. Как говорится, каждый знал свой маневр, дрались решительно, поэтому и уничтожили четыре танка и около взвода немецкой пехоты. Кстати, нас обещали представить к орденам, переписали фамилии. Свой орден Красной Звезды я получил в 1951 году.

Итак, о новом командире. Фамилия его была Удалов. Политрук по званию (три медных кубика на петлицах), звезда на рукаве. Он прикатил к нам на мотоцикле, представился батальонным комиссаром и сообщил, что ему поручено взять команду над нашей ротой. Удалову было лет тридцать, по званию он являлся старшим, и мы, выполняя устав, подчинились. В принципе, командир хоть и не из боевых, он оказался расторопным. Обеспечил подвоз снарядов, горючего, питание танкистов и десантников.

Но для меня появление Удалова стало неприятной неожиданностью. Он занимал какую-то должность в училище, знал, что мой отец расстрелян как враг народа, и относился ко мне

враждебно. Его появление едва не стоило мне жизни, хотя первые дни ничем своего отношения не показывал.

Мы занимались ремонтом техники, вели разведку группами по 2–3 танка. Не хватало горючего, снаряды тоже получали по счету. Нам приказали вырыть для танков капониры, чтобы в случае нужды использовать их как долговременные огневые точки.

Донская земля в конце июля стала твердой, как камень. Лопаты гнулись, а из-под лома летели искры. Меняясь, кое-как вырыли два капонира. Воду нам таскали сельские ребята. Жара, сухая пыль, пили ведрами холодную родниковую воду. Умотались до того, что решили – хватит двух капониров! Тем более нас часто посылали в разведку.

Двадцать второго и двадцать третьего июля произошло сразу несколько событий. К нам присоединилась часть нашей родной 40-й бригады, воевавшей на другом участке: пехотная рота, несколько пушек, обоз и помпотех бригады капитан Резник, деловой и грамотный командир.

Он сразу осмотрел наши танки, лично взял в свои руки ремонт. Мы сразу почувствовали себя увереннее. С прицелами Резник помочь не мог, зато отрегулировал двигатели, мы подтянули все крепления, гусеницы. Очень вовремя пришла подмога, потому что 23 июля нам пришлось отбивать сильную атаку. О ней я расскажу позже, а ночью 22 июля я едва не погиб. Эпизод этот до конца дней остался в памяти.

Метрах в восьмидесяти от наших танков стояла небольшая часть НКВД, или заградительный отряд. Удалов приказал мне отнести их начальству «секретную» записку и ни в коем случае не читать ее. Конверт был самодельный, кое-как заклеенный. Я бы мог без труда его вскрыть, но добросовестно отнес чекистам. Комиссар с двумя шпалами и старший лейтенант прочитали записку и удивленно посмотрели на меня. Потом комиссар сказал:

– Завтра атака, ты чем драться собрался? У тебя даже пистолета нет.

– Обойдусь без пистолета. У меня вон там три танка стоят с боезапасом. Три пушки и пулеметы.

– Ты командир взвода?

– Так точно, товарищ комиссар.

– В боях участвовал?

– Да. Рота подбила четыре танка, и, кроме того, мой взвод раздавил три бронетранспортера.

– Добро. Ну, иди, отдыхай перед боем.

Я вернулся, а Удалов спрашивает:

– Ты записку отдал?

– Конечно, отдал.

Он не поверил и крикнул (расстояние всего ничего):

– Вам Журавлев донесение передал?

– Передал, – отозвался комиссар, – но мы не убийцы и в своих не стреляем.

Меня как жаром обдало. Сволочь! Я догадался, что Удалов написал донос. В такой напряженной обстановке меня вполне могли расстрелять без всякого суда как врага народа. Да и неизвестно, что он там наплел в своей писульке.

Я уже прошел бои, повидал смерть и не был тем зеленым курсантом, который все стерпит. Имелся бы пистолет – наверняка пристрелил бы Удалова. От возмущения и злости собой не владел. Но Удалов как чувствовал, что я ищу оружие. Куда-то сразу исчез. Командир он был нам формальный, в танках не разбирался.

Ребята меня успокоили, налили спирта, а я повторял как заведенный: «Какая сволочь! Ведь вместе воюем». Оказался бы поблизости кто-то из командования бригады, я бы доложил

немедленно. Но, кроме помпотеха Резника и командира роты, никого не было. Понемногу успокоился, а утром начался бой.

Нас атаковали примерно 20 немецких танков, бронетранспортеры, пехота. Велся непрерывный минометный огонь. Но фрицы, видимо, не рассчитывали, что за последние сутки пришло пополнение. Атаку мы отбили. Уничтожили 2–3 танка и какое-то количество пехоты. Немцы не захотели нести дальнейшие потери и, видя нашу решительность, отошли.

Как впоследствии выяснилось, они сделали крюк и прорвались дальше, в другом месте. Ну, а нас два дня подряд бомбили и обстреливали «Юнкерсы-87» и «Мессершмитты». Налетали группами по 5 – 10 самолетов, над степью поднимался дым от взрывов фугасных и осколочных бомб. Горела трава, мы задыхались, кашляли от дыма.

Тогда мы еще толком не знали, как уворачиваться от пикирующих «Юнкерсов». Догадывались, что лучше уходить на скорости, зигзагами, но горячего оставалось в обрез. Обычно останавливались и прятались под переднюю часть танка. Надеялись, что башню и корпус не пробьет. Стокилограммовая бомба насквозь бы пробила танк и ничего бы от нас не оставила. Но не такие уж асы были немецкие летчики. Прямых попаданий при мне не случилось, хотя «Юнкерсы» пикировали чуть ли не до земли.

Осколки ловили, но броня у «тридцатьчетверок» была крепкая. Редко пробивало насквозь. Гусеницы, тяги повреждало. Когда самолеты улетали, мы исправляли повреждения и продолжали выполнять задания.

Пехоте, конечно, доставалось. Особенно когда немцы успевали внезапно перехватить на марше колонну или отступающих в беспорядке красноармейцев. В таких ситуациях паника – самый страшный враг. От самолета не убежишь, а крохотная рошица, которая кажется совсем рядом, – недосыгаема. Все равно гад-фашист догонит, особенно «мессер» с его скоростью под шестьсот километров, с осколочными бомбами на подвеске, с двумя пушками и двумя пулеметами.

Однажды мы пересекали поле, усеянное серыми бугорками. Это были тела наших бойцов. Лежала их, может, рота, а может, и больше. Куда убежали? К кучке акаций, которые их бы не спасли. Мы замедлили ход, чтобы ненароком не раздавить тела. У кого три-четыре пулевых пробоины, у кого рваное отверстие от авиационной 20-миллиметровки, другие погибли от осколков бомб. Лежат ребята, и почти все в спину убитые. Спасся ли кто из роты – неизвестно. Их сутки назад расстреляли, тела уже начали распухать от жары.

В один из этих дней едва не вляпался в беду экипаж моего танка. В связи с нехваткой горячего мы порой действовали в одиночку. Резник едва не под расписку выдавал нам солярку. Начинаем спорить: «Застрянем на полдороге с пустыми баками!» А капитан на вкопанные в землю танки показывает:

– Скажите спасибо, что пока на ходу, а не загораете в капонирах.

На войне грань между жизнью и смертью тоньше волоска. Вот ты есть, и вот тебя нет! Погибшая пехотная рота, судя по всему, не ожидала налета. На бреющем обрушились на нее штуки четыре «Мессершмиттов», скорость – двести метров в секунду. Только и успели ребята услышать приближающийся рев моторов. Оглянулись, а в них уже бомбы, снаряды и пули веером летят.

Не много дней прошло с первого моего боя, но на фронте учеба идет втрое быстрее. Своей шкурой премудрости постигаешь. Дали нам задание проверить одно из танкоопасных направлений. Десант – три курсанта и нас четверо в танке.

Дорогу, по которой мы двигались на юго-запад, накануне хорошо пробомбили. По обочинам несколько сгоревших «полторок», разбитые повозки, орудийные упряжки. Погибших уже похоронили. Здесь нам повезло. Мельников показал на разбитые «сорокапятки» и перевернутые орудийные передки.

– Командир, глянем, может, снарядами разживемся?

– Давай глянем.

Мельников сидел на люке, наблюдал за небом, а мы шарили среди обломков. Насобирали штук двадцать пять снарядов: бронебойных и осколочно-фугасных. Патронами разжились. Они в картонных пачках и отдельными обоймами разбросаны кругом были.

Когда боеприпасов хватает, всегда настроение улучшается. Оживленно переговариваясь, шли на хорошей скорости по укатанной степной дороге. Перед балкой дорога раздвоилась. По какой ехать? Давай по правой! Спустя минут двадцать выехали на гребень, остановились, и я стал рассматривать в трофейный прицел окрестности. Если для пушки оптика не годится, то за бинокль вполне сойдет.

Как мы немцев прозевали, сам не понимаю. Наша «тридцатьчетверка» лязгает гусеницами, за километр слышно. У немцев машины потише идут, только мотоциклы громко трещат. Их мы и услышали. Поглядел я в прицел, а по параллельной дороге, повыше нас, двигаются навстречу мотоцикл, два танка и легкий вездеход.

Если бы мы столкнулись в лоб, я бы немедленно принял бой. Хотя от лишней стрельбы нас предостерегали. Немецкая группа, промелькнув, остановилась выше нас. Мы их не видели, они нас тоже. Расстояние было метров сто пятьдесят. Мы затаились. А что еще делать? Из двух пушек нас в момент разделают. Спасибо, что бугор защищает. Сидим, ждем. Гляжу, у башнера пот крупными каплями течет. Все мы клятву давали и немцев бить беспощадно грозились. Но сейчас ситуация складывалась не в нашу пользу. Немцев мы как следует не видели, да и два немецких Т-3 против одного нашего (без прицела) танка не оставляли нам шансов на успех.

Дай бог, чтобы разъехали и фрицы нас не заметили. До чего в такие моменты громко молотит сердце! Хотелось курить, но казалось, даже шуршание бумаги и махорочный дым обнаружат нас. Нервы не выдерживали. Я был уже готов отдать приказ идти в атаку, а там – как получится.

Но заурчали моторы, и немцы покатали дальше. Выждав несколько минут, дружно закурили. Но за нервотрепку мы фрицам в тот день отплатили. Уже на обратном пути перехватили два мотоцикла – разведка по всем дорогам сновала. В казеннике был бронебойный снаряд, и мы поначалу промахнулись. Зарядили осколочный и накрыли один из мотоциклов.

Врезали удачно. Мотоцикл с водителем отбросило в одну сторону, а коляску с пулеметом – в другую. Второй мотоцикл дал газу и ушел из-под снарядов и пуль. Подъехали к разбитому «зюндапу». Немец в коляске горел вместе со своим барахлом, трещали в огне патроны, трассеры, шипя, проносились над головой. Мы отошли подальше – и правильно сделали. Сдетонировали сразу три-четыре гранаты, и коляску развернуло, как консервную банку. Обгоревшего пулеметчика отбросило в сторону, ноги по колено оторваны.

– Сапоги пропали, – сказал стрелок-радист.

Мельников странно поглядел на него, но ничего не сказал. Сапоги у экипажа были нормальные. Да и вообще, плохая примета – вещи или одежду у мертвых брать. У водителя мотоцикла уцелел автомат. В личном оружии мы нуждались, так как пистолеты или наганы никому не выдали. Теперь хоть автомат будет. Документы убитого тоже прихватили.

Когда вернулись, доложили о результатах подполковнику из 166-й бригады, который был за старшего. За документы нас похвалил, а насчет встречи с немецкими танками подполковник выразился неопределенно:

– Врага надо бить, а не смотреть.

– Позиция была неудобная. Они бы нас раньше прикончили. А мотоцикл с разведкой уничтожили. Трофейный автомат захватили.

– Шагайте, обедайте, – сказал подполковник, разглядывая с адъютантом немецкую солдатскую книжку с двуглавым орлом. – И свой взвод получше замаскируй.

Это он уже крикнул вслед. Свой взвод! Значит, для подполковника, я – командир Красной Армии, командуя взводом, о котором он напомнил, а для Удалова – шпион или предатель. Автомат я нес через плечо, и, попадись мне наш «комиссар», неизвестно, чем бы все закончилось.

Мог бы и шлепнуть сгоряча, а вообще, собирался отвести к особистам. Никак не мог отойти от ночного происшествия, когда Удалов под расстрел меня пытался подвести. Думаю, что ничем бы хорошим мои планы отомстить не кончились. Неизвестно, что бы еще наплел обо мне Удалов, но он куда-то исчез.

Мы перекусили перловкой с говядиной, напились холодного молока и отправились спать. Кроме немецких самолетов, нас никто не тревожил. Но они бомбили какие-то объекты в стороне. Когда же наши «ястребки» появятся?

Про истребители никто ничего не знал, но мы услышали новость, что на нашем участке немцы применяют новую дальнобойную пушку, которую окрестили «огненный змей». Начальная скорость снаряда у нее 1200 метров, и наши Т-34 «змей» пробивает за полтора километра. Не сказать, что мы сильно встревожились, но на всякий случай поинтересовались у капитана Резника.

Он сообщил, что у советской дивизионной пушки ЗИС-3 начальная скорость бронебойного снаряда тоже 1200 метров. Речь скорее всего идет о длинноствольных зенитных орудиях калибра 88 миллиметров. Они действительно опасны на расстоянии до двух километров.

– В наступательных частях их мало, – жестикулируя, объяснял помпотех. – Слишком громоздкие, весят восемь тонн. Но, учитывая сильное сопротивление, которое мы оказываем, Паулюс мог подтянуть несколько дивизионов.

– Два километра, – рассудительно заметил кто-то. – И не увидишь, откуда стрельнут.

– Этих орудий у немцев мало. Вы не их бойтесь, а обычных 75-миллиметровок остерегайтесь. Те за километр могут подловить, и маскируют их фрицы хорошо.

– «Семидесятипятки» мы уже прошли, – раздался тот же голос. – В лепешку давили.

– Не хвались, – со злостью одернул смельчака Мельников. – Товарищ капитан дело говорит. Давили – не давили... А сколько уже наших танков пожгли!

Затем все вместе покурили, попили холодной водички и потрепались о женщинах. Хорошо, когда дружный коллектив и таких уродов, как Удалов, поблизости не видно. Кстати, капитану Резнику я рассказал о ночном происшествии. Он сморщился, словно от зубной боли. Ответил, как всегда, рассудительно:

– Удалов из политсостава. Его так просто не возьмешь. Не обращай внимания. В обиду тебя не дадим. А появится кто из командования бригады, тогда доложим.

Недолго длилась моя война. 17 июля 1942 года я принял первый бой, а 27 июля, через десять дней, – последний. Запомнился он мне до мелочей. Бойцы говорят, что у человека существует предчувствие, если его в ближайшее время убьют или тяжело ранят. У кого как, а мне в ночь с 26-го на 27-е снился госпиталь, я видел себя в больничном халате. Рассказал ребятам.

– Да ну, ерунда! – отозвался механик-водитель Мельников. – Есть примета: если плохое снится, все хорошо будет.

На смерть и ранения мы в эти дни насмотрелись, говорить о них не хотелось. Остальной экипаж подтвердил слова Мельникова. Хотя бодрости в голосах не чувствовалось. Нечему радоваться. Впереди жаркий день, раскаленное солнце, немцы наступают, и самолеты над головой ходят.

Комбат из 166-й бригады вызвал меня, приказал взять еще один танк, взвод десантников и четырьмя машинами двигаться к хутору, названия которого в памяти не осталось. Вчера там наблюдалось движение небольших групп немцев.

– Танки, что ли? – спросил я.

– Неясно, – пожал плечами комбат. – Но артиллерию точно видели. Осторожнее действуйте.

Посидели над картой, обсудили маршрут. Затем перекусили с экипажем горячей, только что сваренной кашей и двинулись то ли в разведку, то ли в бой. Боеприпасами и горючим еще с вечера загрузились.

Солнце поднялось невысоко, но уже чувствовалась жара. В стороне на двухкилометровой высоте двигались тройками штук пятнадцать двухмоторных «Юнкерсов-88» в сопровождении истребителей. «Юнкерсы» на нас внимания не обратили, а две пары «Мессершмиттов», заложив вираж, спикировали в нашу сторону.

Истребители нам такого опасения, как в первые дни, не внушали, но я дал команду рассредоточиться. Прятаться негде. Виднелась вдалеке степная балка, вернее, верхушки деревьев. Туда мы и направились, хотя уже убедился, не в каждой балке можно найти с ходу укрытие. Слишком крутые склоны. Чтобы спуск к деревьям отыскать, время нужно. «Мессершмитты» не спеша выбирали цель. Десантники не выдержали воя снижающихся самолетов, начали прыгать. Другие крепче вцепились в скобы на броне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.